

Где глас остереженья: "Горе вам,
Живущим на Земле!" глас, что гремел
В ушах того, кому средь облаков
Был явлен Апокалипсис, когда
С удвоенной свирепостью Дракон,
Вторично пораженный, на людей
Обрушил месть? О, если б этот глас,
Доколь еще не поздно, остерег
Беспечных Прародителей, они
От скрытого Врага и от сетей
Погибельных его могли б спастись.
Ведь распаленный злобой Сатана
Явился в первый раз не обвинить,
Но искутить, дабы на Человеке,
Невинном, слабом, выместить разгром
Восстанья первого и ссылку в Ад.
Но Враг не рад, хотя и цель близка.
Он, от нее вдали, был дерзок, смел,
Но приступает к действиям, не лъстясь
Успехом верным и в его груди
Мятежной страшный замысел, созрев,
Теперь бушует яростно, под стать
Машине адской, что, взорвав заряд,
Назад отпрядывает на себя.
Сомнение и страх язвят Врага
Смятенного, клокочет Ад в душе,
Спим неразлучный, Ад вокруг него
И Ад внутри. Элодею не уйти
От Ада, как нельзя с самим собой
Расстаться. Пробудила Совесть вновь
Бывалое отчаянье в груди
И горькое сознание: кем он был
На Небесах и кем он стал теперь,
Каким, гораздо худшим, станет впредь.
Чем больше злодеянье, тем грозней
Расплата. На пленительный Эдем
Не раз он обращал печальный взор,
На небосвод, на Солнце поглядел
Полдневное, достигшее зенита,
И после долгих дум сказал, вздохнув:
"В сиянье славы царского венца,
С высот, где ты единый властелин,
Обозревая новозданный мир,
Ты, солнце, блещешь словно некий бог
И пред тобою меркнет звездный сонм.
Не с дружбою по имени зову
Тебя, о нет! Зову, чтоб изъяснить,
Как ненавижу я твои лучи,
Напоминающие о былом
Величии, когда я высоко
Над солнечною сферой сиял
Во славе. Но, гордыней обуян
И честолюбьем гибельным, дерзнул
Восстать противу Горнего Царя
Всесильного. За что же? Разве Он
Такую благодарность заслужил,
В столь превысоком чине сотворя
Меня блистательном и никогда
Благодеяньями не попрекнув,
Не тяготя повинностями. Петь
Ему хвалы какая легче дань
Признательности, должной Божеству?
Но все Его добро лишь зло во мне
Взрастило, вероломство разогло.

Я, вознесенный высоко, отверг
Любое послушанье, возмечтал,
Поднявшись на еще одну ступень,
Стать выше всех, мгновенно сбросить с плеч
Благодаренья вечного ярмо
Невыносимое. Как тяжело
Бессрочно оставаться должником,
Выплачивая неоплатный долг!
Но я забыл про все дары Творца
Несметные не разумел, что сердце
Признательное, долг свой осознав,
Его тем самым платит; что, сочтя
Себя обязанным благодарить
Всечасно, в благодарности самой
Свободу обретает от нее.
Ужели это тяжело? О, зачем
Я не был низшим Ангелом? Тогда
Блаженствовал бы вечно и меня
Разнузданным надеждам и гордыне
Вовеки б развратить не удалось!
Но разве нет? Иной могучий Дух,
Подобный мне, всевластья возжелав,
Меня бы так же в заговор вовлек,
Будь я и в скромном ранге. Но соблазн
Мне равные Архангелы смогли
Отвергнуть, защищенные извне
И изнутри противоискушеньем.
А разве силой ты не обладал
И волею свободной устоять?
Да, обладал. На что же ропщешь ты?
Винишь кого? Небесную любовь,
Свободно уделяемую всем?
Будь проклята она! Ведь мне сулят,
Равно любовь и ненависть, одно
Лишь вечное страданье. Нет, себя
Кляни! Веленьям Божьим вопреки,
Ты сам, своею волей, то избрал,
В чем правосудно каешься теперь.
Куда, несчастный, скроюсь я, бежав
От ярости безмерной и от мук
Безмерного отчаянья? Везде
В Аду я буду. Ад я сам. На дне
Сей пропасти иная ждет меня,
Зияя глубочайшей глубиной,
Грозя похрять. Ад, по сравненью с ней,
И все застенки Ада Небесами
Мне кажутся. Смирись же наконец!
Ужели места нет в твоей душе
Раскаянью, а милость невозможна?
Увы! Покорность, вот единый путь,
А этого мне гордость не велит
Произнести и стыд перед лицом
Соратников, оставшихся в Аду,
Которых соблазнил я, обещав
Отнюдь не покориться, покорить
Всемогущего. О, горе мне! Они
Не знают, сколь я каюсь в похвальбе
Кичливой, что за пытки я терплю,
На троне Адском княжеский почет
Приемля! Чем я выше вознесен
Короною и скипетром, паденье
Мое тем глубже. Я превосхожу
Других, лишь только мукой без границ.
Вот все утехи честолюбья! Пусть

Я даже покорюсь и обрету
Прощенье и высокий прежний чин,
С величьем бы ко мне вернулись вновь
И замыслы великие. От клятв
Смиренья показного очень скоро
Отрекся б я, присягу обьявив
Исторгнутой под пытками. Вовек
Не будет мира истинного там,
Где нанесла смертельная вражда
Раненья столь глубокие. Меня
Вторично бы к разгрому привело
Горчайшему, к паденью в глубину
Страшнейшую. Я дорогой ценой
Купил бы перемирие, уплатив
Двойным страданием за краткий миг.
О том палач мой сводом, посему
Далек от мысли мир мне даровать,
Настолько же, насколько я далек
От унижительной мольбы о мире.
И так, надежды нет. Он, вместо нас,
Низвергнутых, презренных, сотворил
Себе утеху новую людей
И создал Землю, ради них. Прощай,
Надежда! Заодно прощай, и страх,
Прощай, раскаянье, прощай, Добро!
Отныне, Зло, моим ты благом стань,
С Царем Небес благодаря тебе
Я разделяю власть, а может быть,
Я больше половины захвачу
Его владений! Новозданный мир
И человек узнают это вскоре!"

Лицо Врага, пока он говорил,
Отображая смену бурных чувств,
Бледнело трижды, зависть, ярый гнев,
Отчаянье, притворные черты
Им принятой личины исказив,
Лжеца разоблачили бы, когда б
Его увидеть мог сторонний глаз:
Небесных Духов чистое чело
Разнузданные страсти не мрачат.
Враг это знал, он обуздал себя,
Спокойным притворившись в тот же миг.
Он самым первым был Искусник лжи,
Кто показным святошеством прикрыл
Чреватую отмщеньем ненасытным
Пучину злобы, но ввести в обман
Он Уриила все же не сумел,
Уже предупрежденного, чей взор
Следил за тем, как ниспарил летун
На гору Ассирийскую и там,
Преобразясь внезапно, принял вид,
Блаженным Духам чуждый, Уриил
Приметил искаженное лицо
И дикие движенья Сатаны,
Который полагал, что здесь никто
Его не видит. Продолжая путь,
Он под конец достигнул рубежа
Эдема, где отраднй Рай венчал
Оградю зеленой, словно валом,
Вершины неприступной плоский срез.
Крутые склоны густо поросли
Кустарником причудливым, подъем
Сквозь дебри эти был неодолим.

Вверху в недосыгаемую высь
Вздымались купы кедров, пиний, пихт
И пальм широколистных, пышный зад
Природный, где уступами ряды
Тенистых кроя вставали друг за другом,
Образовав амфитеатр лесной,
Исполненный величия, над ним
Господствовал зеленый Райский вал,
Наш Праотец оттуда, с вышины,
Осматривал окружные края
Обширные, простертыя внизу.
За этим валом высилась гряда
Деревьев дивных, множеством плодов
Униженных, в одно и то же время
Они плодоносили и цвели,
Пестрея красками и золотясь
Под солнцем, что на них свои лучи
Лило охотней, чем на облачка
Закатные, сверкало веселей,
Чем на дуге, воздвигнутой Творцом,
Поящим Землю. Чудно хороша
Была та местность! Воздух, что ни шаг,
Все чище становился и дышал
Врагу навстречу ликованием вешним,
Способным все печали исцелить,
За исключением лишь одного
Отчаянья... Игрою нежных крыл
Душистые Зефиры аромат
Струили бальзамический, шепча
О том, где эти запахи они
Похитили. Так, после мыса Доброй
Надежды, миновавши Мозамбик,
В открытом океане моряки
Сабейский обоняют фимиам,
От северо-востока ветерком
Привеянный, с пахучих берегов
Аравии Счастливой и тогда
На много лиг свой замедляют ход,
Чтоб дольше пряным воздухом дышать,
Которым даже Океан-старик
С улыбкой наслаждается. Точь в точь
Такой же запах услаждал Врага,
Явившегося отравить его,
Хоть был он и приятен Сатане,
Не то что Асмодею рыбный дух,
Из-за которого покинул бес
Товитову невестку и бежал
Из Мидии в Египет, где в цепях
Заслуженную кару он понес.

В раздумье Сатана, замедлив шаг,
К подъему на крутую эту гору
Приблизился: дороги дальше, нет,
Деревья и кусты переплелись
Ветвями и корнями меж собой
Столь густо, что ни человек, ни зверь
Пробиться бы сквозь чащу не могли.
Лишь по другую сторону горы
Вели врата единственные в Рай
С востока, но вратами пренебрег
Архипреступник, и одним прыжком,
С презреньем, все преграды миновал,
Над зарослями горными легко
Перенесясь и над высоким валом,

Средь Рая очутился. Так следит
Гонимый голодом бродячий волк
За пастухами, что свои гурты
В овчарню, огражденную плетнем
От пастбища, заводят ввечеру
Для безопасности; но хищник, вмиг
Перемахнув плетень, уже внутри
Загона. Так еще проворный вор,
Задумавший ограбить богача,
Уверенного в прочности замков
Дверей тяжелых своего жилья,
Способных взлому противостоять,
В дом проникает сквозь проем окна
Иль через крышу. Так Первозлодей
В овчарню Божью вторгся, так с тех пор
Вторгаются наймиты в Божий храм.
Теперь на Древо жизни, что росло
Посередине Рая, выше всех
Деревьев, он взлетел и принял вид
Морского ворона, себе вернуть
Не в силах истинное бытие,
Он, сидючи на Древе, помышлял
О способах: живых на смерть обречь.
Жизнеподательное Враг избрал
Растенье лишь затем, чтоб с вышины
Расширить свой обзор, меж тем оно,
При должном применении, залогом
Бессмертья бы служило. Только Бог
Умеет верно и никто иной,
Судить о благе. Люди, лучший дар,
Им злоупотребляя, извратить
Способны, применив для низких дел.
Он глянул вниз и удивился вновь
Щедротам, сотворенным для людей.
Сокровища Природы на таком
Пространстве малом все размещены,
Казалось это Небо на Земле.
Ведь Божьим садом был блаженный Рай,
Всевышним на восточной стороне
Эдема насажденным, а Эдем
Простерся от Харрана на восток,
До Селевкийских горделивых веж,
Сооружений греческих владык,
И где сыны Эдема, в оны дни,
До греков населяли Талассар.
В краю прекрасном этом насадил
Господь стократ прекрасный вертоград
И почве плодородной повелел
Деревья дивные произрастить,
Что могут обонянье, зренье, вкус
Особо усладить. Средь них росло
Всех выше Древо жизни, сплошь в плодах,
Амврозией благоухавших, впрямь
Растительное золото! А рядом
Сосеждествовала с жизнью наша смерть
Познания Древо, дорогой ценой
Купили мы познание Добра,
С Добром одновременно Зло познав.

Широкая река текла на юг,
Нигде не изгибаясь, под лесной
Горой она скрывалась в глубине
Скалистых недр. Всевышний водрузил
Ту гору над рекою, чтоб земля

Вбирала жадно влагу, чтоб вода
По жилам почвы подымалась вверх
И вырвавшись наружу, ключевой
Струей, дробясь на множество ручьев,
Обильно орошала Райский сад,
Потом, соединясь в один поток,
С откоса водопадом низвергалась
Реке навстречу, вынырнувшей вновь
Из мрачного подземного жерла.
Здесь на четыре главных рукава
Река делилась, по своим путям
Потоки разбегались, довелось
Им пересечь немало славных стран
И царств, которые перечислять
Не надобно. Я лучше расскажу, -
Достало бы уменя! Как ручьи
Прозрачные, рожденные ключом
Сапфирным, извиваясь и журча,
Стекают по восточным жемчугам
И золотым пескам, в тени ветвей
Нависших, все растения струей
Нектара омывая, напоив
Достойно украшающие Рай
Цветы, что не Искусством возвращены
На клумбах и причудливых куртинах,
Но по равнинам, долам и холмам
Природой расточительной самой
Разбросаны и там, где средь полей
Открытых греет Солнце поутру,
И в делях, где и полднем на листе
Лежит непроницаемая тень.
Прекрасные, счастливые места,
Различных сельских видов сочетанье!
В душистых рощах пышные стволы
Сочат бальзам пахучий и смолу,
Подобные слезам, а на других
Деревьях всевозможные плоды
Пленяют золотистой кожей;
И если миф о Гесперидах быть,
То это здесь и яблоки на вкус
Отменны. Между рощами луга
Виднеются, отлогие пригорки,
Где щиплют нежную траву стада.
Вот холм, поросший пальмами, и дол
Сырой, в тысячекрасочном ковре
Цветов, меж ними роза без шипов.
А там тенистых гротов и пещер
Манит прохлада, обвивают их
Курчавых лоз роскошные сплетенья
В пурпурных гроздах, падая со скал
Каскадами, струи гремучих вод
Ветвятся и сливаются опять
В озера, что, подобно зеркалам
Хрустальным, отражают берега,
Увенчанные миртами. Звенит
Пернатый хор и дух лугов и рощ
Разносят ветры вешние, звуча
В листе дрожащей. Сам вселенский Пан,
И Ор и Граций в пляске закружив,
Водительствует вечною весной.
Не так прекрасна Энна, где цветы
Сбирала Прозерпина, что была
Прекраснейшим цветком, который Дит
Похитил мрачный, в поисках за ней

Церера обошла весь белый свет.
Ни рощу Дафны дивную, вблизи
Оронта, ни Кастальский ключ, певцов
Одушевляющий, нельзя никак
С Эдемским Раем истинным сравнить,
Ни остров Ниса на Тритон реке,
Где древний Хам, язычники зовут
Его Аммоном и Ливийским Зевсом,
От Реи злобной Амалфею скрыл
С младенцем Бахусом, ни знойный край,
Где у истоков Нила, на горе
Амаре, абиссинские цари
Своих детей лелеют, строем скал
Блестящих та гора окружена
И до ее вершины день пути.
Иным казалось: настоящий Рай
Здесь, у экватора, но все затмил
Тот Ассирийский сад, где Враг взирал
Без радости на радостную местность,
На разные живые существа,
Столь новые и странные на вид.

Меж ними два, стоймя держась, как боги,
Превосходили прочих прямизной
И благородством форм, одарены
Величием врожденным, в наготе
Своей державной, воплощали власть
Над окружающим, ее приняв
Заслуженно. В их лицах отражен
Божественных преславный лик Творца,
Премудрость, правда, святость, и была
Строга та святость и чиста (строга,
Но исто по-сыновьему свободна),
И людям лишь она дает права
На уважение. Схожи не во всем
Созданья эти, видимо, присущ
Им разный пол. Для силы сотворен
И мысли муж, для нежности жена
И прелести манящей, создан муж
Для Бога только и жена для Бога,
В своем супруге. Мужа властный взгляд,
Прекрасное, высокое чело
О первенстве бесспорном говорили
Адама, разделясь на две волны,
Извивы гиацинтовых кудрей
Струились на могучие плеча.
Густых волос рассыпанные пряди
Окутывали ризой золотой
Точеный стан жены, они вились
Подобно усикам лозы, являя
Послушливость, которую супруг
Умильно требует, ему охотно
Жена застенчивая воздает
И нежной ласки вожделенный миг,
Со скромной гордостью противясь, длит.
Они не прикрывали тайных мест
Своих, бесстыжий стыд, греховный срам,
Чернящая дела Природы честь
Бесчестная, их не было еще,
Детей порока, людям столько бед
Принесших лицемерной суетой
Под видом непорочности и нас
Лишивших величайших в мире благ
Невинности и чистой простоты.

Чета ходила наго не таясь
Творца и Ангелов, не мысля в том
Дурного, шли вдвоем, рука в руке.
Такой пригожей пары, с тех времен
До наших дней, любовь не сочетала.
Был мужественней всех своих сынов,
Родившихся впоследствии, Адам,
Всех Ева краше дочерей своих.
На травяном ковре, в тени листвы
Лепечущей, у свежего ручья
Они уселись. Легкий труд в саду
Супругов лишь настолько утомил,
Чтоб нега отдыха была для них
Приятнее, чтоб слаще был Зефир
Живительный, а пища и питье
Желаннее. За вечерей плоды
Они вкушали дивные, с ветвей
Услужливо склоненных, возлежа
На пуховой траве среди цветов,
И зачерпнув корцом из родника,
Хрустальной влагой запивали мякоть
Нектарную. Немало было здесь
Улыбок нежных, ласковых речей
И шалостей, что молодой чете,
Соединенной в силу брачных уз
Счастливых, свойственно, когда она
Уединяется. Невдалеке
Резвились тысячи земных зверей,
Позднее одичавших и травимых
Ловцами в глубине дубровных чащ,
В пустынях и пещерах. Лев играл,
Выказывая ловкость и в когтях
Козленка нянчил. Прыгали вокруг
Медведи, барсы, тигры, леопарды,
Супругов теша. Неуклюжий слон
Усиленно старался их развлечь,
Вращая гибким хоботом, змея,
Лукаво пресмыкаясь, к ним ползла
И Гордиевым завязав узлом
Свой хвост, невольюно упреждала их
О роковом коварстве. На лугу
Покоились другие и глазели,
Насытись, или, жвачку на ходу
Жуя, плелись к ночлегу. Между тем
Склонялось ниже солнце и уже
К далеким океанским островам
Приблизилось, и звезды в небесах
Затеплились, провозвещаая ночь,
А Сатана, как прежде, все глядел
Ошеломленный, наконец, едва
Собой владея, скорбно произнес:

"О Ад! Что видит мой унылый взор!
Блаженный край иными населен
Созданьями, из праха, может быть,
Рожденными не Духами, хотя
Немногим отличаются они
От светлых Духов Неба. Я слежу
За ними с изумленьем и готов
Их полюбить за то, что Божий лик
Сияет в них и щедро красотой
Создателем они одарены.
Не чаешь ты, прелестная чета,
Грозящей перемены. Отлетят

Утехи ваши, бедственная скорбь
Заступит их, тем горшая, чем слаще
Блаженство нынешнее. Да, теперь
Вы счастливы, но на короткий срок.
В сравненье с Небом слабо защищен
Ваш уголок небесный от Врага,
Сюда проникшего, но от Врага
Невольного. Я мог бы сострадать
Вам, беззащитным, хоть моей беде,
Увы, никто не сострадал. Ищу
Союза с вами, обоюдной дружбы
Нерасторжимой, мы должны вовек
Совместно жить и если мой приют
Не столь заманчивым, как Райский Сад,
Покажется, вы все равно приять
Его обязаны, каков он есть,
Каким его Создатель создал ваш
И мне вручил. Я с вами поделюсь
Охотно. Широчайшие врата
Для вас Геенна распахнет, князей
Своих навстречу вышлет. Вдоволь там
Простора, чтоб вольготно разместить
Всех ваших отпрысков не то что здесь,
В пределах Рая тесных. Если Ад
Не столь хорош пеняйте на Того,
Кто приневолил выместить на вас,
Невинных, мой позор, в котором Он
Винновен. Пусть растрогала меня
Беспомощная ваша чистота,
А тронут я взаправду, но велят
Общественное благо, честь и долг
Правителя расширить рубежи
Империю, осуществляя месть,
И, миром этим новым завладев,
Такое совершить, что и меня,
Хоть проклят я, приводит в содроганье".

Так Сатана старался оправдать
Необходимостью свой адский план,
Подобно всем тиранам он, затем,
Слетел с макушки Древа, с вышины
Воздушной и к резвящимся стадам
Четвероногих тварей подступив,
Поочередно облики зверей
Стал принимать различные, стремясь
Неузнанным пробраться и вблизи
Поживу разглядеть, узнать вернейше,
Из действий и речей обоих жертв,
О их обычаях. Вот гордым львом,
Сверкая взорами, вокруг четы
Он выступает, вот, припав к земле,
Под видом тигра, что застал в лесу
Двух нежных ланей и решил игру
Затеять сними, он одним прыжком
Переменяет место и опять
Крадется, повторяя много раз
Уловку эту, выжидая миг
Удобный, чтоб добычу закогтить.
Но первый из мужей Адам любовно
Окликнул Еву первую из жен,
Подслушивая, жадно Враг внимал
Речам, ему неведомым досель.

"Единая участница утех,

Равно их драгоценнейшая часть
Единая! Всесильный создал нас
И этот мир для нас, конечно, Он
Безмерно добр и в доброте Своей
Безмерно щедр, из праха нас призвав
К счастливой жизни райской. Мы ничем
Не заслужили счастья и воздать
Ничем Творцу не можем. Он взамен
Так мало требует: блюсти запрет
Единственный и легкий: изо всех
Деревьев, что различные плоды
Нам дивные даруют, лишь от Древа
Познания не вкушать, оно растет
Бок о бок с Древом жизни. Столь близка
От жизни смерть. Но что такое смерть?
Наверно, нечто страшное. Господь
Грозил нам смертью, если мы вкусим
Запретный плод. Вот наш единый долг
Покорности признательной, за власть,
Которую Всевышний нам вручил
Над всеми тварями земли, воды
И воздуха. Он первенство признал
За нами. Не сочтем же тяготой
Приказ Его. Мы в остальном вольны
Любое наслаждение избирать
Неограниченно. Хвалу Творцу
И милостям Творца провозгласим
Отныне и вовеки, предаваясь
Обязанности милой: холить сад,
Оберегать растенья и цветы.
Вдвоем с тобой мне сладок всякий труд".

Ответствовала Ева: "От тебя
И для тебя родясь, я плоть от плоти
Твоей. Существованью моему
Нет смысла без тебя. Ты мой глава,
Мой вождь. Правдиво все, что ты сказал,
И мудро: неустанно восхвалять
Создателя, вседневно вознося
Ему благодаренья, мы должны,
И особенно я, ведь не в пример
Я счастлива общением с тобой,
Созданием меня превосходящим,
Но ты себе не сыщешь ровни здесь.
Я вспоминаю часто день, когда
Очнулась я впервые, осознав
Себя покоящейся на цветах,
В тени листвы, дивясь: кто я такая,
Где нахожусь, откуда я взялась?
Вблизи ручей с журчаньем истекал
Из грота, образуя водоем
Недвижный, чистый, словно небосвод.
Я простодушно подошла к нему,
На берег опустилась травяной,
Чтоб заглянуть в глубины озерца
Прозрачные, казавшиеся мне
Вторыми небесами, но к воде
Склонись зеркальной, увидала в ней
Навстречу мне склоненное лицо.
Мы встретились глазами. В страхе я
Отпрянула, виденье в тот же миг
Отпрянуло. Склонилась я опять
Прельщенная, вернулось и оно,
Мне отвечая взглядами любви

И восхищенья. Долго не могла
Я оторваться от него в тоске
Напрасной, но какой-то глас воззвал:
"Прекрасное созданье! Этот лик
Лишь ты сама, твой образ, он с тобой
Является и пропадает вновь.
Вперед ступай, тебя я провожу,
Не тень обнимешь ты, но существо,
Чье ты подобье. Нераздельно с ним
Блаженствуя, ты множество детей,
Похожих на тебя, ему родишь,
Праматерью людей ты наречешься!"
Что было делать? За вождем незримым
Последовав, тебя я обрела,
Пригожего и статного, в тени
Платана, мне сдалось, ты уступал
Манящей негой, кроткой красотой
Виденью милому, что в глуби вод
Предстало мне. Я повернула прочь,
Ты кинувшись вдогон, кричал: "Вернись,
Прекраснейшая Ева! От кого
Бежишь? Ты от меня сотворена,
От плоти плоть, кость от костей моих.
Для твоего существованья, часть
От самого себя, от бытия
Телесного, ближайшее, у сердца,
Ребро я отдал, чтоб вовек при мне
Утехой неразлучной ты была.
Тебя ищу как часть моей души,
Мою другую половину!" Ты,
Коснулся в этот миг моей руки.
Я предалась тебе и с той поры
Узнала, что мужской, высокий ум,
Достоинство мужское красоту
Намного превосходят, поняла,
Что истинно прекрасны лишь они!"
Так молвила Праматерь, томный взор
С невинною, супружеской любовью
И ласковостью мягкой возведя
На Праотца, его полуобняв,
К нему прильнув. Под золотом волос
Рассыпанных ее нагая грудь,
Вздыхаясь, прилегла к его груди.
Покорством нежным Евы упоен
И прелестью, он улыбнулся ей
С любовью величайшей, точно так
Юпитер, облака плодотворя,
Дабы цветы на Землю сыпал Май,
Юноне улыбался. На устах
Супруги милой чистый поцелуй
Адам запечатлел, а Сатана
Завистно отвернулся, но потом
С ревливой злобой искоса взглянул
На них опять и в мыслях возроптал:
"Мучительный и ненавистный вид!
В объятьях друг у друга, эти двое
Пьют райское блаженство, обретя
Все радости Эдема. Почему

Им счастья полнота, мне вечный Ад,
Где ни любви, ни радости, одно
Желанье жгучее, из ваших мук
Не самое последнее, томит
Без утоленья. Должен я, однако,

Не позабыть подслушанное мной.
Им, кажется, не все принадлежит
В Раю. Здесь роковое где-то есть
Познания Древо, от него вкушать
Нельзя. Познание им запрещено?
Нелепый, подозрительный запрет!
Зачем ревниво запретил Господь
Познание людям? Разве может быть
Познание преступленьем или смерть
В себе таить? Неужто жизнь людей
Зависит от неведенья? Ужель
Неведенье единственный залог
Покорности и веры и на нем
Блаженство их основано? Какой
Отличный способ им наверняка
Погибель уготовать! Разожгу
В них жажду знания. Научу презреть
Завистливый закон, который Бог
Предначертал для униженья тех,
Кого познание бы могло сравнять
С богами. К чести этой устремясь,
Вкусив, они умрут. Иной исход
Возможен разве? Надо лишь сперва
Повсюду исходить весь Райский сад,
Заглядывая в каждый уголок.
Авось какой-нибудь Небесный Дух
В тени прохладной или у ручья
Случайно попадетсЯ и тогда
Я постараюсь кое-что еще
Разведать у него. А ты живи
До времени, блаженная чета,
И кратким счастьем пользуйся, пока
Я не вернусь, последует затем
Твоих страданий долгая пора!"

Так, с наглостью помыслив, отошел
Он горделиво и пустился в путь,
Ловча и соблюдая осторожность,
Леса, поля, долины и холмы
Украдкой исшагал. Уже к черте,
Где небосвод на море и земле
Покоится, неспешно Солнце вниз
Катилось и пологие лучи
Его закатные струили свет
Вечеровой на Райские Врата
Восточные утесистый хребет
Из алавастра, он издалика
Приметен был, вздымаясь к облакам
На гребень лишь одна тропа вела
Петлистая, со всех других сторон
Нависшие, зазубренные скалы
К вершине алавастровой горы
Дорогу преграждали. Там сидел
Среди столпов скалистых Гавриил,
Начальник стражи Ангельской и ждал
Прихода ночи. Юные бойцы
Пред старшим героические игры
Затеяли, оружие сложив
Небесное: шелома, и щиты
И дротики, блиставшие во мгле
Алмазами и золотом. Но вдруг
Сам Уриил на солнечном луче
Примчался к ним. Так падает звезда,
Осенней ночью небо прочертив,

Сквозь воздух, полный огненных паров,
И мореходам указывает румб,
От куда угрожает ураган.
Архангел, торопясь, проговорил:
"О, Гавриил! Блаженный этот край
Ты неусыпно должен охранять,
По жребию, от всяческого зла.
Но в сфере, мне подвластной, некий Дух
Явился нынче полднем и заверил,
Что жаждет он создания Творца
Новейшие увидеть, предо всем,
Последний образ Божий Человека.
Я указал дорогу, но следил
За ним. Когда он завершил полет
На севере Эдема, на горе,
Подметить я успел, что Небу чужд
Его страстями омраченный взор.
Я из виду его не упустил,
Но скрылся он в тени. Меня страшит:
Не из орды ли он бунтовщиков
Низвергнутых, покинувший Геенну,
Чтоб смуту здесь посеять? Разыщи
Во что бы то ни стало чужака!"
Крылатый воин молвил: "Не дивлюсь
Нимало, Уриил, что в силах ты,
Пресветлый сферы Солнца властелин,
Непогрешимым зреньем пронизать
Безмерное пространство вширь и вглубь.
Но бдительная стража этих врат
Сюда не даст прохода никому,
Впуская лишь насельников Небес,
Ей хорошо известных. До сих пор
Не появлялся ни один из них
С полудня. Если ж Дух иной проник
С дурными целями, преодолев
Земные ограждения, знаешь сам,
Что бестелесных трудно удержать
При помощи вещественных препон.
А если тот, о ком ты говоришь,
Здесь прячется, - его разоблачу
К рассвету, под личиною любой!"

Он так заверил. Тотчас Уриил
Вернулся вновь на пост и тот же луч
Сверкающий, полого наклонясь,
Отнес его на Солнце, что теперь
За острова Азорские зашло,
Поскольку Солнце с дивной быстротой
Неслыханной дневной свершило круг,
Иль менее проворная Земля,
Спеша путем кратчайшим на восток,
Оставила светило позади,
Где отражает золото оно
И пурпур, украшая облака
У своего закатного престола.
Вот безмятежный вечер наступил,
И серый сумрак все и вся облек
Одеждой темной, он сопровождается
Молчаньем, ибо птицы и зверье
Уже расположились на ночлег,
Кто на траве заснул, а кто в гнезде.
Лишь соловей не спит, ночь напролет
Поет влюбленно, тишина ему
Восторженно внимает. Просиял

Сапфирами живыми небосклон,
А самым ярким в хороводе звезд
Был Геспер, их глава, пока Луна
Не вышла величаво из-за туч
И разлила свой несравненный свет,
Царица ночи! И на темный мир
Набросила серебряный покров.

И Еве так сказал Адам: "Подруга
Прекрасная! И ночь, и мирный сон
Природы призывают нас вкусить
Отдохновенье. Присудил Господь,
Чтоб труд и отдых, словно день и ночь,
Сменялись. Вот урочная роса
Дремоты сладким бременем легла
На наши веки. Для других существ,
Бродящих праздно, длительный покой
Не столь потребен. Должен Человек,
Духовно иль телесно, каждый день
Трудиться, в этом истинный залог
Его достоинства и знак вниманья
Небесного ко всем его путям.
Животным же Создатель разрешил
Бездейственно слоняться и Творцу
Отчета не давать, но завтра мы,
Опережая свежую зарю
Румяную, что наступленье дня
С востока возвещает, мы опять
Работу радостно возобновим,
Цветущие деревья станем холить,
Зеленые аллеи, где в тени
Полуденный переживаем зной,
Там ветви разрослись, как бы смеясь
Над нашей маломощью, больше рук
Здесь надо, чтоб смирить их буйный рост.
Увявшие цветы и сгустки смол,
Устлавшие тропинки, подлежат
Уборке, а пока, блюдя закон
Природы, нас на отдых ночь зовет".

Блистая совершенной красотой,
Сказала Ева: "Мой жизнеподатель,
Владыка мой! Безропотно тебе
Я повинуюсь, так велел Господь.
Он для тебя закон, ты для меня;
Вот все, что женщине потребно знать,
И для нее превыше в мире нет
Ни мудрости, ни славы. Близ тебя
Не замечаю времени, равно
Все перемены суток, все часы
Мне сладостны: и утра первый вздох,
И первый свет, и ранний щебет птах,
И Солнце, что на чудный этот край,
На травы, деревья, цветы, плоды
В росистых искрах, первые лучи
С востока проливает и земля
Пахучая в тучная, дождем
Напитанная теплым, и приход
Затишных, сонных сумерек, и ночь
Немая, и торжественный певец
Ночной, и эта дивная Луна
Со звездной свитой перлами небес,
Всё люблю мне. Но ведай: ни дыханье
Рассвета свежее, ни ранний хор

Пичуг, ни Солнце, что с востока льет
Лучи на край прекрасный, ни роса
Сверкающая на плодах, цветах
И травах, ни пахучая земля,
Омытая дождем, ни тихий вечер,
Ни ночь безмолвная с ее певцом
Торжественным, с гуляньем при Луне
Под звездным роем трепетным, ничто
Меня не тешит без тебя, Адам!
Чему же служит блеск светил ночных,
Когда смежает сон глаза существ?"

"О Ева! Дочь прекраснейшая Бога
И Человека! Общий предок наш
Ответствовал. Они вокруг Земли
Бегут за сутки от страны к стране.
Их назначенье: по ночам светить
Народам, что еще не родились,
Всходить и заходить, чтоб темнота
Кромешная не обрела опять
В течение ночи древние права
Свои, не истребила жизни всей
В Природе. Эти мягкие огни
Не только свет, но и тепло дарят,
Влияют разное, греют, умеряют,
Питают, холят, силу придают
Растеньям звездную, готовя их
К приятным мощным солнечным лучам
И к полному расцвету. Нет не зря
Глубокой ночью тысячи светил,
Никем не созерцаемые, льют
Сиянье дружное. Не полагай,
Что если б вовсе не было людей,
Никто бы не дивился небесам,
Не восхвалял бы Господа. Равно
Мы спим ли, бодрствуем, во всем, везде
Созданий бестелесных мириады
Незримые для нас, они дела
Господни созерцают и Ему
И днем и ночью воздают хвалы.
Нередко эхо из глубин дубрав,
С холмов отзывчивых, доносит к нам
Торжественные звуки голосов
Небесных, воспевающих Творца,
Отдельных или слитых в дивный хор,
И оглашающих поочередно
Полночный воздух! Часто патрули
Дозорные играют по ночам
На звучных инструментах неземных,
И гимны чудные, и струнный звон
Возносят нас духовно к Небесам!"

Беседуя, они рука в руке
Шли опочить в своей счастливой куще.
Садовник высочайший сам избрал
Ей место, создавая Райский сад
На благо Человеку. Лавр и мирт,
С высокими растеньями сплетясь,
Образовали кровлю шалаша
Душистую и плотную листвою.
Акант и благовонные кусты
Стеной служили, множество цветов
Прелестных: пестрый ирис, и жасмин,
И розы, меж ветвями проскользнув,

Заглядывали изо всех щелей,
В мозаику слагаясь. На земле
Фиалки, крокусы и гиацинты
Узорчатым раскинулись ковром,
Намного ярче красочных прикрас
Из дорогих камней. Любая тварь,
Зверь, птица, насекомое и червь,
Благоговея пред людьми, сюда
Проникнуть не дерзали. Нет, в тени
Такой, в столь безмятежном и святом
Уединенье, ни Сильван и Пан
Измышленные божества, ни фавны
И нимфы не вкушали сна вовек!
Здесь Ева ложе брачное свое
Впервые в плетеницы убрала,
Устлала ворохом душистых трав,
Когда с Небес венчальный гимн звучал,
И Ангел брачный за руку привел
Ее к супругу, в дивной наготе
Прекраснее Пандоры, что была
Богами изобильем всех даров
Осыпана, подобно Еве став
Причиною неисчислимым бед,
И к сыну безрассудному Япета,
Гермесом приведенная, людей
Прельщением очей очаровать
Смогла и похитителю огня
Зевесова жестоко отомстить.

Достигнув кущи, взоры возвели
Жена и муж к открытым небесам,
Молясь Тому, кто Землю сотворил,
Бодрящий воздух, голубую твердь,
Лучистый лунный шар и звездный свод:
"Свершитель всемогущий! Создал Ты
И ночь, и нами прожитый в трудах,
Назначенных Тобой, минувший день,
Счастливые взаимною помощью,
Любовью обоюдною, венцом
Блаженства нашего, по Твоему
Велению. Чудесный этот Рай
Для нас велик, нам не с кем разделить
Твои дары, что падают, созрев,
Без всякой пользы; но Ты дал зарок,
Что племя многолюдное от нас
Произойдет, и Землю населит,
И благость безграничную Твою
Совместно с нами будет прославлять,
Восстав от сна и призывая сон,
Твой дар, как призываем нынче мы!"

Чета согласно вознесла мольбу,
Иных обрядов не было у них,
Лишь преклоненье истое одно
Пред Богом, наиболее Творцу
Угодное, потом, рука в руке,
Вступили в сень, присущих нам одежд
Стегнутых совлечь им не пришлось,
И совокупно возлегли. Адам,
Я полагаю, от подружки милой
Не отвернулся, так же и жена
Отказом не ответила, блюдя
Обычай сокровенный и святой
Любви супружеской. Пускай ханжи

Сурово о невинности твердят
И чистоте, позоря и клеймя
Нечистым то, что чистым объявил
Господь и некоторым повелел,
А прочим разрешил. Его завет:
Плодиться, а поборник воздержанья
Губитель наш, враг Бога и людей.
Хвала тебе, о брачная любовь,
Людского рода истинный исток,
Закон, покрытый тайной! Ты в Раю,
Где все совместно обладают всем,
Единственная собственность. Тобой
От похоти, присущей лишь скотам
Бессмысленным, избавлен Человек.
Ты, опершись на разум, утвердила
Священную законность кровных уз,
И чистоту, и праведность родства,
И ты впервые приобщила нас
К понятиям: отец, и сын, и брат.
Тебя я даже в мыслях не сочту
Греховной и срамной, в священный Сад
Проникнуть недостойной! О, родник
Неиссякаемых услад семейных!
Твое нескверно ложе от веков
И будет впредь нескверным; посему
Угодники покоились на нем
И патриархи. Здесь любовь острит
Златые стрелы, возжигает здесь
Лампаду неизменную свою
И веет взмахами пурпурных крыл.
Здесь торжествует и царит она,
А вовсе не в улыбках покупных
Блудницы, не в безлюбой, безотрадной
Усладе мимолетной, не в пустом,
Случайном волокитстве на пиру
Ночном, на маскированных балах,
Средь плясок суетных и серенад,
Которые продрогший кавалер
Спесивице поет, а лучше б он
С презрением распутную отверг.

Супруги спят в обнимку, соловьи
Их убаюкали, цветочный кров
Ронял на обнаженные тела
Охалки роз, что поутру опять
Возобновляются. Блаженно спи,
Чета счастливая! Была бы ты
Стократ счастливей, счастья не ища
Полнейшего и не стремясь предел
Дозволенного знанья преступить!

Уже коническая Ночи тень,
Обширный свод подлунный обходя,
Измерила к Зениту полпути.
Из врат слоновой кости в должный час
Выходят Херувимы в боевом
Порядке, при оружье, на дозор.
Тогда Архангел Гавриил воззвал
К военачальнику, что был за ним
По званию следующим: "Узиил,
Ты с частью воинов ступай на юг,
Следя за всем, я остальных бойцов
На север поведу. Мы круг замкнем,
Сойдясь на западе". Как пламена,

Отряды разделились, одному
Щитом Архангел указывает путь,
Копьем другому, а затем, избрав
Двух мудрых, мощных Духов приближенных,
Изрек: "Итуриил и ты, Зефон,
На быстрых крыльях облетите Сад,
Проверьте тщательно, ни уголка
Не пропустив, особенно следя
За кущей, где прекрасная чета,
Быть может, мирно спит не чая зла.
Ко мне явился вестник ввечеру,
От Солнца заходящего, сказав,
Что некий Дух из Пекла ускользнул
(Кто б мог помыслить!) и пробрался в Рай,
Наверняка с недоброй целью. Вы
Доставьте, отыскав его, сюда!"

Промолвив так, повел он свой отряд,
Сверканьем затмевавший блеск Луны,
А два его посланца к шалашу
Направились и здесь нашли Врага.
У Евиного уха прикорнул
Он в жабьем виде, дьявольски стремясь
К сокрытому проникнуть средоточью
Воображенья Евы, чтоб мечты
Обманные предательски разжечь,
Соблазны лживых снов и льстивых грез,
И вдунутой отравой загрязнить
Флюиды жизненные, что восходят
От крови чистой, как восходит пар
Легчайший от дыхания ручья
Прозрачного и растравить в душе
Праматери брожение смутных дум,
Досаду, недовольство, непокой
Источник целей тщетных и надежд,
И страсти необузданные плод
Надменных помыслов, что порождают
Безумье гордости. Итуриил
Чуть прикоснулся дротом к Сатане:
Касание субстанции небесной
Невмочь снести притворству не приняв
Свой настоящий облик, Враг вскочил,
Ошеломленный тем, что обличен.
Так искра производит взрыв, упав
На груды пороха, что про запас
Накоплена в хранилище, ввиду
Угрозы приближения войны;
Мгновенно вздувшись, черное зерно
Воспламеняет воздух. Так в своем
Обличье истинном воспрянул Враг.
Два Ангела прекрасных, от Царя
Ужасного невольно отступив,
Бесстрашно вновь приблизились к нему
И молвили: "Какой мятежный Дух,
Из тех, в Геенну ввергнутых, посмел
Тюрьму покинуть и прийти сюда?
Зачем, подобно недругу в засаде,
Ты спящих стережешь, преобразясь?"

"Не узнаете? Сатана вскричал
Презрительно. Не знаете меня?
Однако, знали встарь, когда я был
Вам не чета, настолько высоко
Я восседал, что вознестись туда

И не мечтали вы. Меня не знать
Лишь может сам безвестный, из числа
Ничтожнейших, но если узнан я,
К чему пустым вопросом начинать
Осуществленье вашего заданья,
Которое закончится ничем?"

Презреньем на презренье возразил
Зефон Врагу: "Не думай, бунтовщик,
Что ты остался прежним, утерев
Сиянье святости и чистоты,
Венчавшее тебя на Небесах.
Твой блеск померк, едва ты изменил
Добру. Ты ныне страшен, как твой грех,
Как Пекло мрачное, куда тебя
Низвергли. Но ступай, ты дашь отчет
Тому, кто нас послал, кто этот край
И этих спящих от беды хранит!"

Речь Херувима, строго прозвучав,
Была неотразимою в устах
Сияющего юной красотой
Воителя и посрамленный Дьявол
Почувствовал могущество Добра.
Он добродетели прекрасный лик
Узрел и об утраченном навек
Печалился, но более всего
Скорбел о том, что Ангелами он
Неузнан был, настолько тусклым стал
Его бывалый блеск, но Сатана
Бестрепетен казался: "Если мне
Сражаться надо, с главным поборюсь,
А не с посланцами не то на бой
Вас вызову одновременно всех,
Я либо славу вящую снищу
Иль меньшему подвергнусь посрамленью!"
Зефон ответил доблестно: "Твой страх
Свидетельствует, что из нас любой,
Слабейший, может грешного тебя,
А стало быть бессильного, сразить!"

Враг промолчал, от злобы онемев,
Подобно горделивому коню,
Грызущему стальные удила,
Он двинулся вперед, сочтя побег,
Равно как битву, тщетными. Испуг,
Внушенный свыше, сердце оковал,
Не знающее страха ни пред кем,
За исключением Неба одного.
Они от западной недалеко
Черты, где, полукружные пройдя
Пути, сошлись дозоры и в ряды
Построились, дабы приказу внять
Очередному. Вождь их, Гавриил,
Вскричал: "Друзья! Мне слышатся шаги
Проворные, спешащие сюда.
Итуриила и Зефона вижу
Светящихся в тени, а с ними царь
Осанкою, хоть блеск его погас,
Но поступь и свирепость выдают
Владыку Ада. Вряд ли без борьбы
Отступит. Будьте стойки. Дерзкий взор
Пришельца вызывает нас на бой!"

Лишь только он промолвил, два гонца
Приблизились и кратко доложили:
Кто приведенный, где его нашли,
Что делал и в каком обличье был.
Сурово глядя, Гавриил сказал:
"Зачем предел, назначенный тебе,
Ты преступил и стал помехой нам,
Отвергшим твой пример? Облечены
Мы властью и законом допросить
Тебя: как ты посмел пробраться в Рай,
Наверно, с целью возмутить покой
И сон четы, которую Творец
В обители блаженства поселил?"

Глумясь, ответил Враг: "На Небесах
Ты, Гавриил, считался мудрецом,
Я был согласен с этим, но теперь
Внушает мне сомненье твой вопрос.
Ну кто же собственным страданьям рад?
Кому застенки люб? Кто б не бежал
Из Преисподней, ввергнутый в огонь,
Когда б возмог возвратный путь найти?
Ты на побег отважился бы сам,
Как можно дальше от Гееннских мук,
В места, где есть надежда заменить
Терзанья - безмятежностью, а скорбь
Отрадой. Вот чего ищу я здесь.
Ты не поймешь, ты горя не знавал,
Ты только благо ведал. Мне в укор
Твердишь о повелении Того,
Кто держит нас в тюрьме. Но почему
Он крепче не замкнул Свои врата
Железные, коль нас хотел навек
В темницу заключить? Вот мой ответ
На твой вопрос. Все остальное верно;
Твои посланцы там нашли меня,
Где сказано. Однако в этом нет
Ни наглости, ни умышленья зла!"
Так издевался нагло Архивраг.

Воинственный Архангел возразил
С презрительной усмешкой: "Небеса
Какого ж потеряли судию
Премудрого, с тех пор как Сатана,
Охваченный безумьем, сброшен в Ад.
Вторично обезумев, он тюрьму
Покинул ныне и в сомненье впал
Глубокое: считать ли мудрецом
Того, кто задает ему вопрос
Какою дерзостью он приведен
Сюда? Как самовольно ускользнуть
Посмел из Ада? Бегство от расплаты
Заслуженной, от справедливых мук
Он полагает мудрым! Думай так,
Бахвал, пока не грянет Божья месть,
Которую побегом ты навлек,
Семижды наказуя беглеца,
И мудрость, не постигшую досель,
Что никакими пытками нельзя
Безмерный гнев Господень утолить,
Столь безрассудно вызванный тобой,
Бог ввергнет вновь ослушника в Геенну!
Но почему же ты один? Зачем
Весь Ад не вырвался? Неужто им

Страдать легко и незачем бежать?
Быть может, боль ты менее других
Терпеть способен? О геройский вождь,
Удравший первым! Если б ты открыл
Покинутым товарищам причину
Побега, был бы ты не одинок".

Насупясь, Враг ответил: "Никому,
Ехидный Ангел, я не уступлю
В отваге и терзаний не страшусь.
Сам знаешь, как я стоек был в бою,
Пока разряды залпов громовых
Не подоспели с помощью к тебе
Нас разметать, без них твое копье
Мне страха не внушает. Речь твоя,
Вопимая тобою наобум,
Лишь подтверждает вновь, как ты незрел
В делах военных, если невдомек
Тебе, что, неудачу претерпев
И проиграв сраженье, верный долгу
Начальник не рискнет свои войска
Опасностям безвестного пути
Подвергнуть не исследовав его
Собственнолично. От того лететь
Решил я сам, один и пересек
Пустыню бездны, чтоб разведать мир
Новорожденный, о котором слух
Достигнул Преисподней. Здесь хочу
Прибежище для сокрушенных войск
Найти и разместить их на Земле
Иль посреди воздушного пространства,
Хотя б для этой цели снова нам
С тобою переведаться пришлось
И с пышным воинством твоим, у них
Обязанность легчайшая служить
Владыке своему на Небесах
И, пресмыкаясь, распевать псалмы,
На должном расстоянье окружив
Его Престол - отнюдь не воевать!"

Небесный ратник тотчас отвечал:
"Ты сам себя оспорил, заявив
Сперва, что бегство от Гееннских мук
Считаешь мудростью, потом признался
В шпионстве. Ты разоблаченный лгун,
Отнюдь не вождь! Как, Сатана, посмел
Ты верностью хвалиться? Осквернить
Святое слово: верность? И кому
Ты верен? Скопищу бунтовщиков,
Орде злодейской, своему главе
Под стать? Неужто вашу честь и верность
Присяге воинской вы соблюли,
В повиновенье Власти отказав
Верховной, признанной во всей Вселенной?
О лицемер коварный! Ты сейчас
Борца за вольность корчишь, но скажи:
Кто в пресмыканье пред Царем Небес,
В униженном холопстве превзошел
Тебя? Но ты хребет покорно гнул,
В надежде, свергнув Бога, самому
Господствовать. Тебе совет я дам:
Прочь убирайся! Поспеси в тюрьму,
Откуда ты сбежал и если здесь,
В священной этой области, опять

Возникнешь, я преступника сковав,
Вновь заключу в Геенну и тебя
Так запечатаю, что до конца
Времен ты издеваться не дерзнешь
Над слабостью затворов Адских Врат!"

Так он грозил, но, не затрепетав
И пуще разъярившись, Враг вскричал:
"Сначала одолей, потом толкуй
Про цепи, ты, надменный Херувим,
Граничный стражник! Прежде потрудись
Узнать, что мощь руки моей тебе
Не одолеть, хоть на своих крылах
Катаешь ты Творца и наравне
С такими же, привыкшими к ярму
Рабами, колесницу Божества
Победную среди Небес влечешь
По вымощенной звездами стезе!"

На этот вызов Ангельский отряд
Лучистый алым пламенем зардел,
Фалангой серповидною тесня
Врага, направив копья на него;
Точь в точь созревшая для жатвы нива
Церерина, густой, остистый лес
Колосьев наклоняет до земли,
Куда их ветер гнет, глядит на них
Крестьянин озабоченный, страшась,
Чтоб урожай желанный не принес
Ему одну мякину. Сатана
В тревоге, силы все свои напруг
И словно Атлас или Тенериф,
Во весь гигантский выпрямившись рост,
Неколебимо противостоял
Опасности. Он головой в зенит
Уперся, шлем его увенчан был
Пернатым ужасом, сжимал кулак
Оружие, подобное копью
И вместе с тем служившее щитом!
Вот вот свершатся страшные дела!
Не только Рай, но звездный небосвод,
Стихии все могли быть сметены,
Размолоты, развеяны как пыль
В свирепой этой стычке, но Господь
Весы на небе поднял золотые;
Меж Скорпионом и Астреей мы
И ныне видим их. На тех весах
Он созданное взвесила первый раз,
С воздушной оболочкой уравнивал
Парящий шар земной, до наших дней
События взвешивает, судьбы царств,
Исход военных действий и теперь
Два жребия Всевышний положил
На чаши: отступленье на одну,
Сраженье на другую. Взмыла вмиг
Она до коромысла. Знак такой
Увидев, Гавриил сказал Врагу:
"Мою ты знаешь силу, я твою.
Не наши обе, нам лишь вручены.
Безумие оружием бряцать,
Когда твоим ты властен совершить
Не более того, что Бог попустит,
Равно как я моим, хоть я вдвойне
Сильней и в прах могу тебя втоптать."

Взгляни наверх, прочти твою судьбу
В небесном знаменье, где взвешен ты.
Узнай, насколько легок ты и слаб
В противоборстве!" Враг возвел глаза,
Свою увидел чашу, что взвилась
Высоко и с роптаньем отступил,
И все ночные тени вместе с ним.